

В.Н.Базылев
ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕРЕВОДОВ В СЕМИОСФЕРЕ

© 2001 г. В.Н. Базылев

Институт языкознания РАН

В этой статье мы хотели бы прояснить и для себя, и для других переводчиков вопрос о том, как складывается в культуре и у отдельной личности переводчика представление о том, **что** и **как** надлежит транслировать из культуры в культуру. Под “что” понимается приоритет, отдаваемый тем или иным сочинениям, недостаток которых ощущается внутри одной из контактирующих семиосфер, недостаток, который она стремится восполнить: будь то любовные романы или романтические стихи, жизнеописания или театральные пьесы, философские повести или журнальные статьи, сочинения по философии, астрономии или медицине (resp. репертуар переводов). Под “как” понимаются те интуитивные или осмысленные приемы, которые позволяют транслировать недостающую информацию из одной культуры в другую [см. подробнее: 1].

Автор оригинального текста и переводчик, переводной текст и читатель представляют собой семиотический универсум, состоящий из автономных по отношению друг к другу текстов и медиаторов-посредников, пытающихся “взорвать” этот универсум. Это семиотическое пространство можно рассматривать, по мысли Ю.М.Лотмана, как единый организм, “большую систему” (сверхсистему, макросистему), которая характеризуется семиотической однородностью и индивидуальностью, что позволяет ей отграничиваться от окружающего иносемиотического окружения. Семиотическая граница - это сумма би(поли)-лингвальных фильтров, прохождение сквозь которые перемещает текст в другой язык, находящийся вне данной семиосферы. “Замкнутость” семиосферы проявляется в том, что она не может соприкасаться с иносемиотическими текстами. Для того, чтобы они стали для

нее реальными, ей необходимо перевести их на один из языков ее внутреннего пространства. С этой точки зрения, все “механизмы перевода”, обслуживающие внешние контакты, принадлежат структуре границы семиосферы и носят маргинальный (периферийный) характер.

Как имманентная себе данность граница соединяет две сферы семиозиса. Но извне, с точки зрения семиотического самосознания, граница их разделяет. Осознать себя в культурно-семиотическом отношении - значит осознать свою противопоставленность другим сферам. Это, в свою очередь, заставляет осознать абсолютность той черты, которой маркируется граница. Граница с чужим текстом всегда оказывается областью усиленного смыслообразования. Аналогично тому, как объект, отраженный в зеркале, дублируется в сотнях его осколков, текст, помещенный в целостную семиотическую структуру, тиражируется на более низких уровнях [2].

Любой перевод, оказывающийся в замкнутой и отграниченной семиосфере, должен встроиться в ту систему отношений между текстами-языками, которая характерна для данной семиосферы.

Такое встраивание носит характер последовательного перераспределения переводов или его составных частей среди устоявшихся концептов семиосферы. Например, понимания того, что есть язык, подлежит ли он произвольной обработке или нет; существует ли в культуре понятие языковой нормы и каких-либо других норм; каков характер сосуществования правил (кодифицированных), которым подчиняются автохтонные и инокультурные феномены (напр., сакральные или профанные тексты). Если возможности встраивания ограничиваются “хорошей” культурной памятью социума, то инокуль-

турные тексты остаются невостребованными. В противоположном случае тексты-пришельцы “переделяются”: используется или иная техника переписывания, транскрипции, разграничения, систематизации, переноса, преодоления несовместимости и перераспределения текстов-переводов/текстов-оригиналов.

Анализируя ситуацию в понимании-осмыслении феномена языка в XVIII веке, М.Фуко писал: “... не основывается ли анализ языка и грамматики в классическую эпоху (вплоть до конца XVIII в.) на определенном количестве концептов, содержание и использование которых было определено раз и навсегда: концепт *суждения* определяется как общая и нормативная форма всей фразы, концепты *субъекта* и *атрибута* объединяются в более общей категории *имени*, концепт *глагола* применяется в качестве эквивалента концепта *логической связи*, концепт *слова* трактуется как знак представления. Таким образом, мы можем установить концептуальную архитектуру классической грамматики. Впрочем, здесь еще, вероятно, слишком рано говорить о пределах, ведь едва ли возможно описывать подобными средствами исследования, проводившиеся учеными Пор-Рояля: довольно скоро им пришлось бы столкнуться с появлением новых концептов, некоторые из которых, возможно, появились из тех, что уже существовали, другие окажутся родственными по отношению к ним, а третьи совершенно несовместимы. Понятие прямого и инверсионного синтаксического порядка, понятие дополнения (введенное в XVIII в. Бовэ), несомненно, могут быть интегрированы в концептуальную систему Пор-Рояля. Но идея о том, что звуки обладают самостоятельным экспрессивным значением, или концепция примитивного знания, содержащегося в словах, которые туманно передают его, или понятие регулярности в изменениях согласных, или концепт глагола как простого имени - все это оказывается решительно несовместимым с теми совокупностями концептов, которые могут быть использованы Лансло или Дюкло. Возможно ли в таком случае допустить, что грамматика только внешне представ-

ляет собой устойчивую фигуру, и все эти совокупности высказываний, анализы описания, следствия, заключения, которые в таком виде существовали уже не одно столетие, суть не более, чем ложные общности? Но, может быть, мы сумеем раскрыть дискурсивные единицы, если будем продолжать свои поиски вне устойчивых концептов, в области их одновременного и последовательного появления, отстранения и той дистанции, которая, разъединяя, делает их несовместимыми. Тогда больше не будет необходимости в составлении систем наиболее общих и абстрактных концептов дабы отдать себе отчет в природе всех остальных и внести их в одно и то же мыслительное пространство” [3].

Таким образом, важным оказывается следующее

- кто говорит (пишет) и кто является узаконенным “владельцем” языка, каков статус (социальный, возрастной, образовательный) тех индивидуумов, которые - традиционно или инновационно - приобретают право трансляции текстов из культуры в культуру;

- какова институционализованная область, в которой разворачивается процесс трансляции (рукописная или печатная книга; типографии и цензура и пр.);

- какова позиция переводчика-медиатора в обществе, которую он занимает в отношении различных подструктур единой семиосферы.

В качестве эмпирического материала, выбранного нами для обсуждения вышеприведенных теоретических выкладок, выступают особенности деривационного процесса в медицинской терминологии XVI века в переводах медицинских трактатов Ж. Канапа.

Благодаря постоянству и интенсивности процесса заимствования терминологической лексики из латыни в донациональный период развития французского языка (переводы Н.Орэма и П.Берсюира) к XVI веку во французском языке скопилось достаточное количество заимствованного материала, между определенными элементами которого, в силу специфики процесса заимствования из латинского языка, возникли словообразовательные

связи. Однако процесс заимствования не прекратился, о чем свидетельствуют материалы переводов Ж.Канапа произведений А. Паре. Но поскольку на его фоне началось становление словообразования на книжной основе, явления нового для французского языка, то и сам процесс заимствования отошел как бы на второй план, хотя именно в результате этого процесса в лексической системе французского национального письменно-литературного языка скопилось большое количество одноосновных латинских терминов, между которыми и возникали словообразовательные связи.

Так, например, заимствованные в XVI веке существительные на *-ation*, обозначающие действие, стали регулярно соотноситься с глаголом. Сам глагол мог быть заимствован и раньше, чем существительное, и одновременно с ним, но имел то же самое значение, что и существительное: *pulluler* (lat. *pullulare*) – быстро размножаться (заимствование XIV в.) *pullulation* – быстрое размножение (заимствование XVI в.)

Иногда глагол, уже функционирующий в языке в определенном значении, мог изменить его под влиянием заимствованного существительного.

Так, например, глагол *amputer*, заимствованный в XV веке, имел значение ‘резать’. В XVI веке французский язык заимствует существительное *amputation*, имевшее терминологическое значение, такое же значение приобретает и глагол *amputer* – ампутировать, т.е. отсечь периферийную часть какого-либо органа, конечности. Таким образом, глагол образует не только формальную, но и семантическую корреляцию с существительным. Следовательно, появляется возможность говорить о существовании регулярных формальных и семантических соотношений в подобных парах слов. Как правило, изменение значения глагола в таких случаях происходит в сторону его спецификации.

Часто переводчиками научных медицинских трудов и врачам, писавшим по-французски, заимствованные одноосновные термины вводились в текст целыми парадигмами, что также способствовало

осознанию словообразовательных связей между ними. Так, например, в произведениях А.Паре на одной странице текста, а иногда даже в одном абзаце употребляются термины: *infeciter*, *infection*, *suppurer*, *suppuratif*, *suppuration* [4]. Такое функционирование одноосновных терминов облегчало понимание структуры заимствованного термина, словообразовательного значения его компонентов, а следовательно и отношений производности между ними, а тем самым и всего текста. Словообразовательные связи, устанавливающиеся между заимствованиями из латинского языка, могли быть аналогичны латинским, могли несколько отличаться от них. По мере накопления в языке однотипных заимствований из латыни, морфологический состав которых был достаточно прозрачен для носителей французского языка, в силу его генетической близости к латинскому, ими осознавалось и словообразовательное значение элементов этих заимствований, что значительно облегчало их формальное выделение. Наиболее употребительные латинские словообразовательные элементы вычленились из латинской терминологии и использовались для образования новых научных (медицинских) терминов.

Так, например, были выделены суффиксы – *ation*, *ateur*, *ité* и другие, получившие широкое распространение в научном медицинском языке. Новая терминологическая лексика французского языка образуется на базе латинских заимствований. В силу специфики научной терминологии выполнять главным образом номинативную функцию, и с учетом особенностей развития научного медицинского словаря XVI века, основной словообразовательной моделью можно считать соединение заимствованной именной или глагольной основы со словообразовательным суффиксом книжного происхождения. Как правило, конечным результатом такого соединения являлись имена существительные, служившие для обозначения состояния (заболевания), действие и его результата (различные операционные вмешательства, процедуры), деятеля (исполнитель действия, специалист в области медицины), орудия (прибор, инструмент. С помощью которого осуществляется процесс лечения больного или оперативное вмешательство).

Существительные с этими значениями составляли основной фонд медицинской терминологии XVI века. К наиболее продуктивным суффиксам, сообщающим термину вышеназванное словообразовательное значение в исследуемом материале можно отнести: 1) суффиксы со значением действия и его результата – *-ation, -ition*. В исследуемой терминологии они участвуют в основном в образовании отглагольных производных $V+ation \rightarrow$ существительное: *implanter – implantation; aromatiser – aromatisation*.

На продуктивность данной словообразовательной модели оказали влияние как экстралингвистические, так и собственно лингвистические факторы. Образованные на ее основе существительные со значением действия играют важную роль в медицинской терминологии, так как медицинская практика в первую очередь предполагает активное вмешательство врача в процесс заболевания. На продуктивность суффикса *-ation*, а следовательно и данной словообразовательной модели, повлияло и большое количество производных с подобным суффиксом *-tio*, функционировавших в средневековом медицинском латинском языке, где они регулярно соотносились с соответствующим глаголом: *cicatrizre – cicatrizatio; cicatriser – cicatriation*. По аналогии с латинской моделью от заимствованных глаголов *transplanter* (XI в.); *implanter* (XV в.); *aromatiser* (XVI в.) соответственно образуются существительные: *transplantation* (XVI в.), *implantation* (XVI в.), *aromatisation* (XVI в.) со значением действия. Однако при их образовании используются французские словообразовательные форманты.

Словообразовательная продуктивность суффикса *-ation* объясняется также тем, что производные с ним частично заменили ранее существовавшие в народном медицинском языке образования с исконными суффиксами *-age, aison* и особенно *-ement*. Процесс замены производных на исконной основе терминами, образованными на книжной основе, был обусловлен общей тенденцией развития процесса словообразования французского национального письменно-литературного языка, выделения в нем словообразования на книжной основе. Кроме того, вытеснению исконных терминов способствовал процесс унификации французской медицинской терминологии, что выразилось в стремлении термина к однозначности. Наличие же

эквивалентных образований на книжной и исконной основе типа *dormitation – endormement* неизбежно порождало синонимию, явления негативно влиявшее на точность термина. Поэтому исконные термины на *-ement* либо вытеснялись из французского медицинского словаря, либо изменяли свое значение. По данным Г. Мерка [5], количество производных в научном медицинском словаре в суффиксом *-ation* увеличилось в XV-XVI вв. по сравнению с предыдущим периодом развития письменно-литературного языка с 23,8% до 68,7% в основном за счет производных с суффиксом *-ement*, продуктивность которого соответственно снизилась с 49,4% до 14,9%. Книжный суффикс *-ence* не столь продуктивен как *-ation*, но производные с этим суффиксом широко представлены в медицинской терминологической литературе XVI века. Возможно, продуктивность этого книжного суффикса поддерживалась его формальным сходством с исконным прототипом *-ance*, словообразовательное значение которого также совпадало со словообразовательным значением книжного суффикса. Производные с этим формантом, как правило, имели значение действия или его результата, если их производящей основой был глагол $V+ -ence \rightarrow$ существительное: *coalesce-ence – сращение; intimescence – припухлость; decid-ence – летальный исход (Ж.Канап)*. Если производные образовались от основы прилагательного на *-ence*, то они имели значение качества или состояния, т.е. $A + ence \rightarrow$ существительное: *incompétent – incompetence*.

Обратимся к суффиксу со значением состояния, качества – *ité*. В медицинском терминологическом словаре XVI века он был очень продуктивен, присоединяясь преимущественно к основе прилагательного, являясь при этом дублетом исконного *-eté*: $A + eté \rightarrow$ существительное: *flatueux – flatuosité; gibbeux – gibbosité; flexible – flexibilit é; aromatique – aromaticité*. Особенно продуктивной производящей основой были прилагательные, оканчивающиеся на *-ieux, -ieux* как заимствованные, так и образованные путем суффиксации в самом французском языке, так, например, прилагательное *flatueux* в латинском научном медицинском языке не существовало, его можно считать производной производящей основой существительного на *-ité*. Одним из главных значений существительных на *-ité* было, таким образом, значение опредмеченного качества. В меди-

цинской переводной терминологии значительно реже встречаются производные с суффиксом – *isme*, нежели существительные с этим суффиксом, хотя их словообразовательное значение синонимично. Образования с суффиксом – *isme* служили, как правило, для обозначения патологических изменений в организме больного: R + – *isme* → существительное: *prostat-isme*, *anevr-isme*. Обратим внимание на суффикс –*ie*. По форме этот суффикс полностью совпадает со своим исконным коррелятом. Присоединяясь к основе существительного, обозначающего название определенных органов человеческого тела, он образует производные со значением заболевания, носящего воспалительный характер: R + –*ie* → существительное: *pleures-ie*; *neuvres-ie*; *oedem-ie*. Суффикс был широко распространен и очень продуктивным в медицинских переводных текстах XVI века. Переводные тексты по медицине во Франции XVI века вводят в обиход суффикс со значением деятеля, орудия действия: –*ateur* (–*iteur*), образующие существительные, присоединяясь, главным образом, к основе глагола. Производные с этим формантом обозначают, как правило, действующее лицо, специалиста в определенной области медицины: VR + *ateur* → существительное: *denter – dentateur*; *interpreter – interpretateur*. Структура и семантика данного словообразовательного типа поддерживалась не только глаголом, но и соответствующими ему существительными на –*ation*, служащими для обозначения действия и его результата, что аналогично функционированию суффикса –*iste*, образующего существительные со значением деятеля, присоединяясь к производящей основе: S + *iste* → существительное: *alchimie – alchimiste*; *anatomie – anatomiste*. В научном медицинском переводном тексте суффикс –*iste* не соотносился с производящей основой на –*isme* и производных от нее не давал.

Интересен факт появления в переводной литературе XVI века суффикса –

ien, обозначающего вид врачебной деятельности: *chirurgie – chirurgien*; *optique – opticien*. Производные с суффиксами –*ien*, –*iste* в медицинских переводных текстах предстают абсолютными синонимами. Даже в текстах одного и того же автора можно встретить одновременно следующие варианты одного и того же термина: *alchimien – alchimiste*; *chirurgien – chirurgiste*.

Материал показывает, что книжные суффиксы в образовании названий медицинских инструментов практически не участвовали. Несмотря на явную терминологическую латинизацию французских медицинских текстов XVI века, для обозначения названий медицинских инструментов употреблялись, как правило, слова исконно французского лексического фонда.

Таким образом, благодаря включению заимствованной терминологической лексики из латыни в процесс словообразования в результате активной переводческой практики, во французском письменном-литературном языке национального периода его развития образовался целый пласт слов, созданный совершенно иным образом, нежели исконные термины. Именно эти книжно-переводные основы, сформированные в XVI веке на базе заимствований из латинского языка, легли в основу словаря французской медицинской терминологии и оказали значительное влияние на ее дальнейшее развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базылев В.Н., Сорокин Ю.А. Интерпретативное переводоведение. Пропедевтический курс. – Ульяновск, 2000.
2. Лотман Ю.М. О семиосфере// Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. – Т. 1. – Таллинн, 1992. – С. 11-24.
3. Фуко М. Археология знания. – Киев, 1996. – С. 36-37.
4. Paré A. Textes choisis. – Paris, 1953.
5. Merk G. Les herritiers et les substitués du suffixe latin –*tione* en gallo-romania. – Lille, 1982.